

The book cover features a man and a woman in a modern, dimly lit interior. The man, on the left, is muscular with short brown hair and a goatee, wearing a black button-down shirt with his arms crossed. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a white off-the-shoulder top with a floral pattern and a dark skirt. In the background, a large window shows a sunset or sunrise with orange and red clouds. A spiral staircase is visible behind the woman.

Елена
ФЕОКТИСТОВА

РАЗВОД

Второй раз - по любви

Нина Феокистова

Развод. Второй раз - по любви

«Автор»

2026

Феоктистова Н.

Развод. Второй раз - по любви / Н. Феоктистова — «Автор»,
2026

Он женился на ней из-за долга , ушёл по любви к другой. Вернуться захотел, только потеряв её навсегда. Маша после развода не сломалась — она переродилась. Нашла в себе силы и стала той, кого он когда-то в ней не разглядел. Теперь он готов на всё, чтобы вернуться. А она стоит перед выбором: открыть ли дверь прошлому, или построить новое будущее? Это история о втором шансе, который нужно заслужить.

© Феоктистова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Развод. Второй раз - по любви

Глава

Глава 1.

В тридцать семь лет моя жизнь была похожа на осеннее пасмурное небо. Каждое утро одно и то же: открываю глаза в 6:45, еще до того, как зазвонит будильник, и смотрю в потолок. Потолок у нас идеально белый — Саша терпеть не может другие цвета в интерьере. Он вообще любит минимализм, в нашей спальне вообще нет ничего лишнего. Ни одной фотографии на тумбочке, ни расставленной косметики на полочках, ни одной небрежно брошенной футболки. Все лежит на своих местах ...Муж всегда говорит: «Порядок в дом начинается с порядка в голове». А я столько лет старалась ему соответствовать, что, кажется, сама стала частью интерьера

Я тихо сползла с кровати. Саша спал на своей стороне, даже не шелухнувшись. Он всегда спит так — спокойно и уверенно, как человек, у которого всё под контролем. Я мимоходом заглянула в зеркало: на меня смотрела женщина с аккуратной стрижкой, в шелковой сорочке — Саша сам её выбрал, сказав, что этот цвет мне очень идет. Я тогда кивнула, как обычно. В нашей семье вообще было принято соглашаться с его вкусом. Только вот в зеркале я видела какую-то чужую женщину. Вроде бы это я, Маша, а вроде бы и нет. Как будто я жила не своей жизнью.

На кухне я привычно включила кофемашину. С этого звука начинался каждый день моей жизни. Пока варился кофе, я механически вытирала столешницу. Она и так блестела, но рука сама тянулась за тряпкой. Многолетняя привычка. На завтрак Саше я готовила овсянку, дочке Соне — тосты. Всё как всегда.

— Мам, ну ты чего опять зависла? — Соня зашла на кухню, заспанная и какая-то колючая. Ей тринадцать, и в последнее время она смотрит на меня странно. Как будто ей за меня неловко. — Просто не выспалась, — соврала я. — Садись есть.

Я присела на край стула. В голове почему-то всплыл день, когда я узнала, что беременна. Это было тринадцать лет назад. Две полоски на тесте и холод во всем теле. Саша тогда только начинал свой бизнес, он не прыгал от радости от этой новости. Просто вздохнул тогда и сказал: «Если так получилось, значит мы поженимся. Я думаю что так будет правильно».

И это «правильно» тянется уже тринадцать лет. Было правильно уйти с моей работы в его фирму, чтобы помогать ему. Было правильно одеваться так, как ему нравится. Было правильно молчать, когда у него плохое настроение. Я старалась содержать образцово-показательный дом, веря, что если я буду идеальной женой и хозяйкой, он когда-нибудь полюбит меня по-настоящему. Не за то, что я «надежный тыл», а просто так.

— Маш, где мой синий галстук? — недовольно крикнул Саша из нашей комнаты. Я тут же вскочила, даже не допив кофе. — В шкафу, на третьей полке слева. Я его вчера погладила!

Он зашел на кухню — одет как всегда с иголки, ни одной лишней складки на рубашке. Чмокнул меня в щеку. Это был просто дежурный поцелуй, будто он отдавал мне долг.

— Вечером поужинаем вместе? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Нет, я задержусь на работе. Дел по горло, сама же знаешь, — ответил он, уткнувшись в свой телефон.

Я смотрела, как он ест кашу. Он даже не заметил, что я сменила духи. Не заметил, что я сижу на диете и за пару недель уже прилично похудела на несколько килограммов. Было такое чувство, что в этом доме я становлюсь невидимой. Если я сейчас возьму и разобью его любимую чашку, он, наверное, просто спросит, почему я такая рассеянная.

Мне уже тридцать семь лет. Я всю жизнь чего-то ждала от него. Ждала, когда он оценит мои старания, когда у нас начнется «настоящая» жизнь, а не этот бесконечный быт. А жизнь-то проходит.

Когда Саша уехал, а Соня убежала в школу, в квартире стало очень тихо. Слишком тихо. Я подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. Дорогой ремонт, вид на центр города, идеальная чистота... И я, совершенно одна в этой красивой золотой клетке.

Я еще не знала, что сегодня вечером эта клетка разобьется на мелкие осколки.

Вечер начинался как обычно. Настолько обычным, что мне до сих пор страшно от того, как легко за ним спряталась катастрофа. За окном стемнело, город зажегся огнями, а я стояла у плиты и варила себе кофе. Соня сидела у себя в комнате, в наушниках — как обычно отгородилась от всего мира.

Саша пришел в начале десятого. Уставший, но какой-то другой, не такой, как обычно. У него в глазах был странный блеск, который я не видела уже очень давно. Я тогда еще подумала: «Может, он тендер крупный выиграл?».

— Будешь кофе? — спросила я, когда он зашел на кухню.

— Да, давай. Нам нужно поговорить, Маш.

Я замерла с туркой в руках. Фраза «нужно поговорить» никогда не предвещает ничего хорошего, но я почему-то решила, что речь пойдет о переезде или о новой должности. Я поставила перед ним чашку, села напротив и сложила руки на коленях.

— Маш, я долго думал, как это сказать, — начал он. Он не отводил взгляда, не прятал глаза. Напротив, он смотрел на меня с каким-то пугающим спокойствием. — Я встретил другую женщину. Кристину.

Внутри что-то тихонько лопнуло. Знаете, как когда наступаешь на тонкий лед. Я еще не провалилась, но уже поняла — дна нет.

— Кристину? — тупо переспросила я. — И что это значит?

— Это значит, что я впервые понял, что такое чувства, что такое любовь, — он произнес это так легко, будто рассказывал о покупке новой машины. — Знаю, это звучит банально. Но с ней я чувствую себя живым. Понимаешь? Не «правильным», не «успешным», а просто живым.

Я смотрела на него и не узнавала. Где мой холодный, расчетливый муж? Передо мной сидел мужчина, который только что признался, что все тринадцать лет со мной он что? Не жил? Не любил?

— А как же мы, Саша? — мой голос прозвучал как шелест бумаги. — Я, Соня, наша семейная жизнь. Мы прожили с тобой тринадцать лет. Это ты куда денешь?

Саша вздохнул и аккуратно помешал ложечкой кофе. Дзынь-дзынь. Этот звук бил мне прямо по вискам, не давая вздохнуть.

— Маш, только не надо драмы. Мы всегда были хорошей командой. Ты прекрасная женщина, ты создала отличный дом, я вас обеспечивал. Я правом очень сильно тебе за это благодарен. Но давай будем честными: мы ведь поженились, потому что так сложились обстоятельства, ты забеременела и я просто сделал то, что должен был, женившись на тебе. Но прости, я тебя никогда не любил. Теперь же мне хочется жить с любимым человеком.

Удар под дых был сокрушительным. Он не извинялся, не просил прощения за измену. Он делился своей радостью, своей любовью, как будто я его старая подруга, которая обязана за него порадоваться.

Саша рассказал про эту Кристину, про то, как они познакомились на конференции, про ее смех, как она вдохновляет его. А я слушала и понимала: всё, что я строила годами — каждый отглаженный галстук, каждый уютный ужин, каждое моё «да, дорогой» — было просто суррогатом. Я была удобной женой, пока не появилась любимая женщина...

— Она знает, что ты женат? — спросила я, хотя это было уже неважно.

— Конечно. Мы решили, что не будем скрывать своих отношений — это ниже нашего достоинства. Я уйду, Маш. Прямо сейчас. Вещи заберу позже, сегодня возьму только самое необходимое.

Он встал, поставил чашку в раковину и направился в прихожую. Я осталась сидеть на кухне, не в силах пошевелиться. В ушах шумело так, будто я стояла на взлетной полосе.

Он уходил так легко, так просто закрывал главу своей жизни, в которой мы когда-то были семьей. А мне даже не хотелось кричать, бить посуду. Я была почему-то абсолютно спокойна. И от этого спокойствия мне позже захочется выть...

— Саша! — я вышла в коридор, когда он уже надевал пальто. Он обернулся. — А как же Соня? Что ты ей скажешь?

Он на мгновение замешкался, и в его глазах промелькнула тень досады.

— Завтра заеду и поговорю с ней. Сейчас пока не время. Она взрослая девочка, уверен, что все поймет.

Дверь за ним закрылась. Я осталась стоять одна в пустом коридоре. В зеркале отражалась всё та же женщина в что и утром. Ничего не изменилось, кроме того, что только что от меня ушел мой муж.

Глава 2.

Первые пять минут после того, как за Сашей закрылась дверь, я просто не могла дышать. Воздух в прихожей будто превратился в густой клей, который забивал легкие. Стояла, уставившись на закрытую дверь, и ждала. В ушах звенело так сильно, что я слышала удары собственного сердца — тяжелые, неритмичные, как будто оно спотыкалось об сломанные ребра.

«Этого не может быть. Это просто дурной сон», — билась в голове одна единственная мысль. Я ждала, что замок снова щелкнет, он ворвется обратно, засмеется и скажет, что это была просто шутка. Что он просто проверял меня. И мы, как всегда, пойдем на кухню, я налью ему кофе, и всё вернется на свои места.

Но могильная тишина в квартире говорила о том, что это правда и мне это совсем не приснилось. Даже гул города за окном казался более приглушенным, будто мир вокруг тоже замер, не зная, как реагировать на мой личный апокалипсис.

Очень медленно, как во сне, я повернулась к зеркалу в коридоре. Из него на меня смотрела женщина, которую я никогда не знала. Бледная, с каким-то серым оттенком кожи, с размазанной тушью, которая превратила глаза в две глубокие черные дыры. И вдруг, глядя на себя, у меня внутри, где-то глубоко под ребрами, что-то с треском лопнуло и изнутри поднялась ледяная, обжигающая ярость.

«Значит решил взять только ноутбук? Уйти налегке ???Остальное наверное мне нужно собрать, как обычно?» — прошептала я сама себе. Голос был хриплым, надтреснутым чужим.

Плакать больше не хотелось. Слезы внезапно высохли, оставив на щеках стягивающую соленую корку. Вместо этого я вихрем ворвалась в нашу гардеробную, в святая всех святых. Место, где каждый костюм висел на своем месте, где каждая пара обуви стояла как подержанный автомобиль.

В нос резко ударил запах его парфюма — сандала и дорогой кожи. Раньше этот запах означал для меня надежность, а теперь стал символом предательства. Схватив первый попавшийся чемодан — огромный, ярко-синий, я распахнула его настежь. Помню, мы брали его в отпуск в Тоскану в прошлом году. Я вдруг вспомнила, как стояла тогда на террасе отеля, смотрела на закат и чувствовала себя бесконечно одинокой, пока Саша обсуждал по телефону свои рабочие контракты. Даже там я была сама по себе, а он сам по себе.

Пошире раскинув чемодан, начала швырять туда его вещи. Сгребала охапками с вешалок шелковые рубашки, кашемировые джемперы, те самые галстуки, которые я сама завязывала ему по утрам. Кидала их не складывая как обычно, а впихивала их внутрь с силой, чувствуя, как с каждым движением из меня выходит эта удушающая ярость.

— Мам?..Что ты делаешь ?

Я вздрогнула так, что вешалка вылетела из рук и с металлическим звоном ударилась о пол. В дверях стояла Соня. Она была без наушников, очень редкий случай. Её лицо было блее мела, а глаза просто огромными. Видимо она всё слышала. Каждое слово этого унижительного разговора про Кристину и про то, что он хочет начать новую жизнь без нас.

— Папа от нас ушел, Соня, — я заставила себя выпрямиться, хотя позвоночник казался стеклянным и готовым рассыпаться от каждого движения. — Он решил, что нам с ним больше не по пути.

Дочка не расплакалась. К моему удивлению, она не бросилась ко мне с расспросами. Просто медленно подошла к куче разбросанных вещей, посмотрела на его любимые кожаные туфли, которые он очень сильно любил, и со всей силы пнула их. Одна туфля отлетела в угол, сбив напольную вазу. Ваза не разбилась — она была из очень дорогой небьющейся керамики.

— Ненавижу его, — глухо сказала Соня. — И эти его рубашки ненавижу. И то, как он на тебя в последнее время смотрел, будто ты предмет мебели.

Её слова действовали на меня как ушат холодной воды, возвращая меня в реальность. Оказывается, мой ребенок видел всё. Всё то время, пока я строила иллюзию счастливой семейной жизни, Соня видела, что я не нужна своему мужу. Она видела, как я всеми силами пытаюсь заслужить его внимание...

— Не надо его ненавидеть, прошу тебя, это же твой отец, — я подошла к ней и взяла за плечи. — Чтобы не случилось, он был и остается в твоей жизни.

Мы вдвоем вытащили этот тяжеленный, огромный чемодан в коридор. Соня схватила его спортивную сумку, я сгребла коробки с обувью. Выставив всё это в общий тамбур, сложили все в углу. Я делала это быстро, жадно глотая воздух. Когда мы закрыли дверь на оба оборота и провернули ключ, щелчок замка прозвучал как выстрел из пистолета.

— Мам, ты только сильно не расстраивайся, ладно? — Соня вцепилась в мою руку. Её ладошка была ледяной, и я почувствовала, как её мелко трясет.

Мы зашли в её комнату. Здесь, в отличие от остальной квартиры, царил творческий хаос: плакаты на стенах, разбросанные маркеры, запах лака для волос. Это был единственный живой уголок в «идеальном доме».

Я села на пол, прислонившись спиной к кровати. Соня села рядом, положив голову мне на плечо. В этот момент я поняла: я не имею права на истерику. Моя боль — это роскошь, которую я пока не могу себе позволить. Потому что сейчас я единственный взрослый в этом доме.

— Мы же справимся, мам? На что мы будем жить? Он же он же не всё у нас заберет? — Соня подняла на меня глаза, и в них была такая взрослая тревога, что мне стало тошно.

— Квартира по документам моя, это был подарок твоих бабушки и дедушки на нашу свадьбу, он не сможет её забрать, — я гладила её по волосам, успокаивая, хотя мои собственные руки ходили ходуном. — А остальное у меня есть работа, Соня, я хороший профессионал. Я просто слишком долго занималась только делами твоего отца. Мы с тобой справимся. Будет трудно, жизнь будет другая, но мы обязательно будем счастливы.

Слышишь?

В ту ночь я так и не смогла уснуть. Когда Соня наконец забылась тяжелым тревожным сном, я тихонько вернулась в нашу спальню. Я легла на свою половину кровати и долго смотрела в окно: лунный свет падал на пустые полки гардеробной, отбрасывая причудливые тени.

Внутри меня бушевал пожар из чувств. Это было странное чувство: часть меня умирала от горя, а другая радовалась освобождению. Я чувствовала себя так, будто с меня содрали кожу. Больно от каждого прикосновения воздуха, от каждого вздоха, но зато я наконец-то чувствую этот воздух.

Чтобы не случилось , нужно жить дальше. Я хотела стать женщиной, которая больше не будет тенью своего мужа. Что ж , я не первая и не последняя , от кого уходят.

Глава 3.

Я проснулась от того, что у меня затекла и заболела рука. Но куда сильнее болело где-то внутри. В груди было такое чувство, будто я наглоталась острого битого стекла. Каждое движение, каждый вдох давались с трудом.

Я лежала с закрытыми глазами и прислушивалась к звукам в квартире. Обычно в это время я слышала, как на кухне шумит кофемашинка, как Саша бодро ходит по коридору, собираясь на работу. Но сегодня в доме стояла тяжелая, гнетущая тишина. Она буквально давила на уши.

Я открыла глаза и посмотрела на правую сторону кровати. Простыня там была идеально ровной и холодной. За тринадцать лет я привыкла, что это место занято мужем . А теперь там была пустота. И эта пустота пугала меня больше всего на свете. Мне казалось, что если я сейчас встану, то просто провалюсь сквозь пол, потому что фундамента моей жизни больше нет. Он ушел вчера вечером вместе с Сашей.

На кухне я увидела Соню. Она уже оделась в школу, но сидела за столом неподвижно, как каменное изваяние. Перед ней стоял тост, который она даже не надкусила. Лицо у дочки за одну ночь стало каким-то острым, взрослым и очень серым.

— Я в школу не пойду, — сказала она, не поворачивая головы. Голос был тусклым. — Пойдешь, Сонь. — Я подошла и попыталась погладить её по плечу, но она едва заметно дернулась. — Мы не можем позволить ему сломать еще и твою жизнь. Учеба — это единственное, что сейчас важно для твоего будущего.

Соня резко повернулась ко мне. В её глазах я увидела такую злость и такую обиду, что мне стало страшно. — Какое будущее, мам? О чем ты вообще говоришь? Он вчера сказал, что мы для него — просто «обстоятельства». Что он всё это время просто терпел нас, потому что так было правильно. Ты понимаешь, что он нас никогда не любил?

Я сглотнула горький ком. Сказать ей, что это не так? Соврать? Но Соня уже не ребенок. Она всё слышала сама. — Я знаю, что это больно. Но у нас есть мы друг у друга . И мы справимся. Давай, собирайся. Пожалуйста, не делай хуже самой себе .

Когда дверь за ней закрылась, я осталась одна. Я смотрела на свои руки — они мелко дрожали, и я никак не могла это остановить. Чтобы не сойти с ума от разных мыслей, я решила действовать.

Звонок в домофон раздался ровно в двенадцать часов дня . Я вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. Я не собиралась показывать ему, что как я раздавлена.

Я открыла дверь, Саша стоял на пороге в своем идеальном пальто. Он выглядел так, будто просто заскочил домой за документами между важными встречами. В его взгляде не было вины. Там была легкая неловкость, смешанная с привычным желанием всеми командовать.

— Привет, Маш. Я за вещами пришел . Ты не переживай, я сам всё соберу, не хочу тебя утруждать — Он уже начал было проходить в коридор, как будто все еще был здесь хозяином.

Но тут его взгляд упал на гору чемоданов и сумок, которые я выставила прямо в тамбур и он замер. Его лицо в этот момент нужно было снимать на камеру. Уверенность с него слетела мгновенно. Он смотрел на вещи, потом на меня, потом снова на вещи.

— Это что такое? — выдавил он. — Это твоя одежда, Саша. И твоя обувь. И твои документы. — Я прислонилась к дверному косяку и сложила руки на груди. — Всё, что я нашла. Проверь, если хочешь. Ничего твоего в этом доме остаться не должно.

Он молчал, и я видела, что он обижен. Да-да, именно обижен! Я лишила его красивого ухода. Он наверняка представлял, как будет благородно ходить по комнатам, выбирать любимые запонки, а я буду стоять в сторонке и плакать, умоляя его передумать. А я просто выставила его барахло на порог, как ненужный хлам.

— Маша, к чему такая спешка? — в его голосе появилось раздражение. — К чему эта демонстративность? Мы могли бы нормально поговорить, обсудить всё без лишних сцен.

— А о чем нам говорить? — я пожала плечами. — Ты вчера всё сказал. Ты «ожил». Вот и иди живи. А вещи тебе в этом помогут.

— Папа?

Мы оба обернулись. В конце коридора стояла Соня. Она, видимо, пришла со школы пораньше. Дочка стояла, прислонившись к стене, и смотрела на отца так, будто перед ней был чужой, неприятный ей человек.

— О, Сонечка, привет, — Саша попытался улыбнуться и сделать шаг к ней. — Я как раз хотел с тобой поговорить. Давай присядем

— Не называй меня так, — перебила его Соня. Голос у неё был ледяной. — И не подходи ко мне. Я вчера всё слышала. Про твою Кристину. И про то, что ты наконец-то то понял, что такое .

Саша покраснел. Он явно не ожидал такого приема от дочери, которую всегда считал еще маленькой и послушной. — Соня, ты еще не понимаешь. Жизнь — это сложная штука. Иногда люди перестают любить друг друга

— Ты не маму перестал любить, — Соня сделала шаг вперед, и я увидела, как у неё дрожат губы, но взгляд оставался твердым. — Ты сказал, что ты её и не любил никогда. Что ты просто «делал, что должен». Значит, все эти годы ты нам врал? Каждый раз, когда говорил «люблю», когда обнимал? Ты просто притворялся?

Саша замялся. Ему нечего было ответить. Его привычное красноречие куда-то пропало. — Соня, я всегда заботился о вас. Я обеспечивал вам лучшую жизнь

— Нам не нужна была «лучшая жизнь», нам нужен был папа! — выкрикнула Соня. — А ты был просто командовал дома. Забирай свои сумки и уходи. Уходи к своей Кристине, раз тебе с ней так хорошо. Мы для тебя — пройденный этап, вот и проваливай!

Саша посмотрел на меня. В его глазах была ярость. Он явно ждал, что я сейчас вмешаюсь, приструню дочь, заставлю её извиниться. Он привык, что я всегда сглаживаю острые углы.

Но я молчала. Я просто подошла к Соне и положила руку ей на плечо. Мы стояли вдвоем против него. И в этот момент я почувствовала, что вместе мы сила. А он — просто человек с кучей чемоданов в коридоре.

— Маша! — рявкнул он. — Ты посмотри, до чего ты довела ребенка! Ты настраиваешь дочь против отца! Это низко, Маша! Я от тебя такого не ожидал!

— Я её не настраивала, Саша, — ответила я совершенно спокойно. — Она просто слышала твою речь . И эта правда ей не понравилась. Ты сам разрушил свой авторитет за один вечер. И не надо перекладывать вину на меня.

Саша стоял, тяжело дыша. Он выглядел жалко. Весь его лоск куда-то исчез. Он понял, что здесь его больше не боятся и не ждут.

— Ладно, — хрипло сказал он. — Я заберу вещи. Но запомни, Маша: Соня — моя дочь. Я это так не оставляю. Будем решать вопрос через юристов.

— Решай как хочешь, — бросила Соня и ушла в свою комнату. Дверь захлопнулась так, что посыпалась штукатурка.

В прихожей стало тихо. Саша начал выносить коробки к лифту. Он пытался, злился, когда коробка с обувью выскользнула у него из рук. Я не сделала ни шагу, чтобы помочь. Просто стояла и смотрела. Смотрела, как из моей квартиры и из моей жизни уходит человек, ради которого я жила все эти тринадцать лет.

— Маш прости, что так вышло, — сказал он перед тем, как зайти в лифт. Он не смотрел мне в глаза. — Я правда не хотел делать вам больно.

— Я поняла, ты просто хочешь быть счастливым, но с нами у тебя это не получилось , — ответила я. — Удачи, Саша, она тебе скоро понадобится.

Двери лифта закрылись. Я зашла в квартиру и повернула ключ в замке на два оборота. Вот и все, в нашей истории поставлена точка.

Я вернулась в гостиную и без сил рухнула на диван. В голове был какой-то шум. И вдруг меня прошиб холодный пот: работа!.

Завтра мне нужно идти в офис на работу. Ведь мы работаем вместе... Я — его правая рука, его помощник, человек, который составляет все его графики и расчеты. Завтра снова увижу его и наверняка еще и Кристину. Я буду видеть, как они вместе с ним смеются в его кабинете. Как я смогу на это смотреть? Как я смогу это вынести?

Паника накрыла меня с головой. Я начала задыхаться. «Нет-нет-нет, я не смогу туда пойти, я не выдержу их взглядов, я не выдержу жалости коллег», — шептала я.

Я открыла ноутбук. Руки тряслись так, что я с трудом попадала по клавишам. Зашла на свою почту. Сотни писем и проектов, счета, отчеты. Всё это держалось на мне. Саша только подписывал бумаги и ходил на переговоры с партнерами. Вся работа, бухгалтерия, вся аналитика была на мне.

И тут во мне вспыхнули обида и ярость. Не буду больше на него работать, с моими навыками, думаю, я смогу найти себе достойную должность.

Я открыла свое резюме. Оно не обновлялось лет десять. В графе «Опыт работы» значилось только «помощник генерального директора». Но я-то знала правду, знала что мозгом нашей компании всегда была я.

Я начала писать. Медленно, пункт за пунктом расписывая свои обязанности на последнем месте работы. Я вспомнила все тендеры, которые мы выиграли благодаря моей подготовке. Все кризисы, из которых мы благополучно вышли без потерь, пока Саша был в командировках или играл в гольф с партнерами.

— Мам? Ты чего там делаешь? — Соня вышла из комнаты. Она переделалась в домашнее и выглядела чуть спокойнее.

— Рассылаю свое резюме в другие компании, Сонь. — Я посмотрела на неё. — Не хочу больше работать на твоего папу. Я буду искать себе другую работу.

— Правильно, — Соня подошла и обняла меня сзади за плечи. — Ты у меня такая молодец, мамочка. Знаешь, я думаю что он без тебя пропадет через неделю, вот увидишь.

Я улыбнулась. Впервые за эти сутки — искренне. — Пусть пропадает. Это больше не наша проблема.

Я нажала кнопку «Отправить» на файле с резюме. Завтра я пойду в офис. Но не для того, чтобы помогать Саше. А для того, чтобы забрать написать заявление об уходе и уйти оттуда с высоко поднятой головой.

Глава 4.

Сегодня я собиралась посетить офис мужа. Я долго готовилась к этому морально: я знала что его любовница в данный момент работает в нашей фирме. Это ведь надо было додуматься, взять ее к себе на работу, еще даже не оформив развод со мной. Я ее видела пару раз, но даже и подумать не могла, что между ними что-то есть.

Я надела свой самый строгий темно-синий костюм. Он всегда сидел на мне идеально, но Саша говорил, что он делает меня слишком высокомерной и строгой. Сегодня мне это и было нужно. Я тщательно накрасилась, собрала волосы в тугой пучок и посмотрела на себя в зеркало. Из него на меня глядела не брошенная женщина, а женщина, которая знает себе цену.

— Мам, ты как? — Соня заглянула в комнату. Она уже собрала рюкзак в школу. — Нормально, Сонь. Иду в стан к врагу. — Не давай им там расслабиться, — дочка подмигнула мне, и я увидела в её глазах гордость. Это было лучше любого бодрящего кофе.

Возле офисного здания «Александр и партнёры» у меня на мгновение перехватило дыхание. Это было наше общее с ним детище. Я помню, как мы выбирали этот офис, как я сама заказывала мебель и расставляла папки в архиве. Каждый кирпичик здесь знал меня.

Я вошла в холл. Девушка на ресепшн, Леночка, при виде меня вздрогнула и отвела глаза. Видимо, новости здесь разлетаются быстрее, чем сообщения в мессенджерах. Я прошла мимо неё с высоко поднятой головой.

В офисе стояла странная тишина. Коллеги затихали, когда я проходила мимо их столов. Я чувствовала на себе их взгляды — сочувствующие, любопытные, а иногда и злорадные. Но мне было всё равно. Я зашла в свой кабинет, который находился прямо напротив кабинета Саши.

На моём столе лежал новый контракт с крупным застройщиком. Саша должен был подписать его сегодня. Я открыла папку и начала читать. И тут я увидела ошибку. Грубую юридическую ошибку в пункте о неустойках. Если бы Саша это подписал, компания могла потерять миллионы. Раньше я бы тут же побежала к нему, чтобы немедленно спасти ситуацию. Но сегодня я просто закрыла папку и положила ее на стол.

Вдруг моя дверь открылась без стука. На пороге стояла девушка, я узнала ее, это была Кристина собственной персоной.

Она была в ярко-красном платье, которое сидело на ней как вторая кожа. Молодая, уверенная в себе, с длинными темными волосами и улыбкой победительницы. Она зашла и хозяйски присела на край моего стола.

— Привет, Маша, наверное ты уже поняла, кто я — сказала она. Голос у неё был медовый, но с привкусом яда. — Александр просил передать, что ты можешь сегодня не задерживаться. Он понимает, что тебе сейчас ну, тяжело эмоционально. Ты можешь просто собрать вещи и уйти. Мы сами тут со всем разберёмся.

Я медленно подняла на неё глаза. Внутри всё кипело, но я заставила себя улыбаться. Спокойно и холодно. — Кристина, во-первых, слезьте с моего стола. Здесь лежат важные документы, а не ваш обед. А во-вторых, передай Александру, что я здесь еще работаю, если он не забыл. У меня тут остались незаконченные дела.

Кристина опешила. Она явно ждала слёз или истерики, но никак не этого тона. — Слушай, — она прищурилась, — зачем ты это делаешь? Всем же неловко. Саша хочет, чтобы всё прошло тихо и мирно. Он готов выплатить тебе хорошие отступные, только не устраивай сцен.

— Сцены здесь устраиваешь ты, Кристина, — ответила я, открывая ноутбук. — И, кстати, посмотри контракт на застройку. Тот самый, который ты вчера готовила. Там в пятом пункте ошибка, которая будет стоить три миллиона. Если хочешь впечатлить босса — исправь её. Хотя, может, ты считаешь, что твоя улыбка покроет такие убытки?

Лицо Кристины пошло красными пятнами. Она схватила папку, прошипела что-то невнятное и выскочила из кабинета. Я почувствовала, как внутри меня рождается азарт. Это было так просто — перестать быть удобной.

Через десять минут в кабинет ворвался Саша. Он был без пиджака, в расстёгнутой рубашке — признак того, что он нервничает. — Маша, что ты здесь устроила? — закричал он. — Кристина пришла ко мне в слезах! Ты зачем на неё нападаешь? Мы же договорились: мы цивилизованно разводимся!

Я спокойно повернулась к нему в кресле. — Саша, цивилизованный развод не подразумевает, что твоя новая пассия будет указывать мне, когда мне увольняться. И я на нее не нападала. Я просто указала ей на её профессиональную непригодность. Она чуть не подставила фирму на огромную сумму.

Саша замер. Он посмотрел на контракт, который держал в руке, потом на меня. — Ошибка? Где? — Там, куда ты никогда не смотрел, потому что знал, что за тобой всё проверю я. Но теперь, Саша, ищи сам.

Он сел на стул напротив. Вся его утренняя бравада куда-то испарилась. — Маш, ну зачем ты так? Да, мы расходимся. Но зачем разрушать работу? Ты же знаешь, как мне сейчас важен этот контракт. Останься хотя бы на месяц, помоги передать дела. Я тебе хорошо все оплачу.

Я посмотрела на него и вдруг поняла: он не меня боится потерять. Он боится потерять свой комфорт. Он боится, что без меня его «идеальный бизнес» начнёт разваливаться на куски.

— Нет, Саша, — сказала я, доставая из стола заранее распечатанное заявление. — Мой месяц стоит слишком дорого, а у тебя сейчас много других расходов. Вот моё увольнение по собственному. Сегодня мой последний рабочий день.

Он смотрел на лист бумаги так, будто это был смертный приговор. — И куда ты пойдёшь? Кому ты нужна в другом месте? Ты же все эти годы была только при мне! Ты жизни настоящей не видела!

— Поживем и увидим, кому я буду нужна .

Я начала собирать свои личные вещи в небольшую коробку. Фотография Сони, любимая кружка, кактус, который я вырастила из крошечного ростка. Офис вдруг резко стал для меня чужим и холодным , хотя раньше я его считала своим вторым домом . Я думала что мне будет тяжело его покинуть, а оказалось что зря переживала..

— Я заберу свою базу контактов и свои наработки, — добавила я, не глядя на него. — Это моё личное , я сама это создавала.

— Это собственность фирмы! — попытался вставить он. — Фирмы, которую мы создавали вместе, — отрезала я.

— Хочешь судиться? Давай. Но учти, я знаю все твои «серые» схемы и все твои ходы и выходы. Тебе оно надо?

Саша замолчал. Он понял, что я не шучу. Он впервые увидел во мне не свою тень , а личность . Или, по крайней мере, равного себе игрока.

Когда я выходила из здания, коробка в моих руках казалась мне удивительно лёгкой. Я шла по парковке, и мне хотелось дышать полной грудью. Я позвонила Соне. — Сонь, я уволилась. — Да ладно?! — голос дочки зазвенел от восторга. — И что теперь? — Теперь, — я села в машину и посмотрела на своё отражение в зеркале заднего вида, — теперь мы пойдём и купим самую большую пиццу и отпразднуем это вместе . И будем думать, как нам жить дальше.

Я нажала на газ и выехала с парковки, не оборачиваясь. Впереди была свобода и целый мир , полный возможностей, и я впервые знала, что справлюсь без него сама.

Глава 5.

Свобода, как оказалось, пахнет не только пиццей и свежим воздухом. Она еще пахнет клеем для обоев Я решила сделать в квартире небольшой косметический ремонт . Выбрала яркие обои и сама их поклеила . Получилось очень ярко и стильно . Потом , после ремонта я несколько дней убиралась , так что времени на страдания почти не оставалось .

Каждый день был похож на подъем в гору : было тяжело, трудно , но с каждым шагом наверх открывался новый, доселе невиданный вид. Я училась платить счета, которые раньше оплачивал Саша. Разбиралась с квитанциями из ЖЭКа, чинила капающий кран (спасибо ютубу) и впервые за долгие годы не думала о том , а понравится ли то или иное мое действие мужу. Соня меня поддерживала и радовалась больше меня новым изменениям.

Но под этой плотной загруженностью тихо пробивалась финансовая тревога. Деньги , которые я получила после увольнения оказались на деле скромной суммой, которую нужно было растянуть на несколько месяцев. Мои резюме, отправленные в порыве праведного гнева, оставались без ответа уже который день. Откликов не было. Прошла неделя, другая. Настроение, взлетевшее после увольнения, начало плавно снижаться, упираясь в суровую реальность счетов за коммуналку.

Именно в один из таких вечеров, когда я, зарывшись в калькулятор, пыталась понять, на сколько месяцев нам хватит моих сбережений, раздался звонок. Высветился незнакомый мне номер.

— Алло?

— Мария Викторовна? Добрый вечер. Вас беспокоит Артем Сергеевич Мещанский, «Вертикаль-Консалт».

«Вертикаль-Консалт». Сердце на мгновение замерло, а потом застучало громче. Это была одна из главных компаний-конкурентов Саши. Одна из тех, с кем он вел жесточайшие войны за тендеры, чьи шаги мы анализировали досконально. Я знала Артема Сергеевича заочно — умный, жесткий, бескомпромиссный стратег.

— Добрый добрый вечер, — выдавила я, пытаюсь понять, зачем им я понадобилась. Может, Саша уже успел опорочить меня в профессиональных кругах? Или это какой-то изощренный ход?

— Простите, что беспокою Вас так поздно. Просто не могу больше ждать, — голос в трубке звучал ровно, деловито, но с легкой ноткой заинтересованности. — Мы внимательно следили за вашей работой в «Александре и партнерах». За последними проектами, которые вы вели. За той самой историей с тендером на застройку в Северном районе. Гениальная работа с документами, Мария Викторовна. Чистая, стопроцентная победа. Так же знаем, чьих рук это дело.

Я молчала, не зная, что сказать. Все эти годы мое имя было связано с фирмой мужа, а тут кто-то оказывается знает меня лично и знают, чем именно я там занималась. Уже интересно

— Мы понимаем, что в свете недавних изменений в вашей личной жизни, ваше положение на рынке труда могло измениться, — он тщательно подбирает слова, избегая прямолинейности. — Мы были бы очень рады обсудить с вами возможность сотрудничества. У нас как раз формируется новая аналитическая группа по ключевым проектам. И мы считаем, что вы — идеальный кандидат на должность руководителя этого отдела.

Мир вокруг поплыл. Руководитель отдела, в «Вертикаль-Консалт». Это же было в разы выше, чем моя старая должность в фирме у мужа. И в разы выгоднее в финансовом плане.

— Артем Сергеевич, я я польщена, честно, — голос мой звучал неуверенно. — Но вы понимаете, моя ситуация Бывший муж

— Нас интересуют исключительно ваши профессиональные качества, Мария Викторовна, — четко сказал он. — Личная жизнь наших сотрудников - это их личное дело. Мы делаем вам деловое предложение. Исключительно деловое. Могли бы вы подъехать к нам завтра, скажем, в одиннадцать? Чтобы обсудить все детали?

Конечно, я согласилась, мы договорились о времени встречи. Я положила телефон и уставилась на стену с новыми, цвета морской волны, обоями. В голове царил полный хаос. Это была не просто работа. Это был спасательный круг, брошенный в самый нужный момент. Это было мое признание. Тот самый карьерный взлет, о котором я когда-то, до Саши, наивно мечтала.

И тут же, в мои мысли словно отравленная змея заползла: а что подумает обо всем этом Саша?

Он, естественно, воспримет это не как мой успех. Ни в коем случае. Для него это будет чистейшей воды предательство с моей стороны. «Пошла назло, к конкурентам, что отомстить». Он никогда не поверит, что для меня это просто работа. Что это мой единственный шанс. В его глазах, я, обиженная брошенная жена, должна была либо тихо исчезнуть с радаров, либо слезно молить его вернуться. А не устраиваться на работу в стан к врагам.

Меня охватила паника. Да, я злилась на него. Да, мне было до сих пор больно. Но что, если я стану причиной новой войны? Я же намеренно встаю по другую сторону баррикад? У меня не было желания мстить. У меня просто было желание жить. Жить хорошо, достойно и спокойно и не думать о завтрашнем дне.

— Мам, с кем это ты разговаривала сейчас? — Соня вышла из своей комнаты с учебником в руках. Она сразу заметила мое растерянное лицо.

Я всё ей рассказала. Про звонок, про предложение, про свою мысли .

— Мамочка, да это же супер! — глаза Сони загорелись. — Руководитель отдела ! Я же говорила, что ты крутая! Ты же сто раз умнее всех !

— Но, Сонь Папа Он же сразу подумает

— А какая разница, что он подумает? — дочь села рядом со мной на диван, ее голос стал серьезным. — Мам, послушай меня. Он не побоялся , что ты о нем подумаешь , когда объявил , что выполнял долг по отношению к нам. Что он никогда тебя не любил , что женился на тебе из-за того, что забеременела Он же думает , что ты не способна ни на что без него. И что? Ты и правда будешь сидеть без работы, сидеть без денег и ждать , когда его мнение о тебе вдруг изменится? Или ты докажешь всем , а в первую очередь самой себе, что он был слеп и глуп?

Она взяла меня за руки и легонько сжала. Её пожатия были уже не детскими, а сильными, уверенными.

— Он будет думать, что ты пошла туда назло ему ? Ну и пусть думает. Это его право — быть идиотом. Твое право — быть счастливой и успешной. Если они зовут тебя, значит, ты им нужна. Не из-за папы , не из-за того чтобы ему отомстить за прошлые неудачи , а из-за того , что ты хороший специалист. Тебе предлагают не должность «бывшей жены», тебе предлагают должность целого начальника отдела. Иди и возьми то, что ты заслуживаешь. А если он начнет угрожать — Соня хитро прищурилась, — то мы с тобой знаем все его слабые места. Но это будет только в самом крайнем случае.

Я смотрела на свою дочь, на эту юную, мудрую не по годам девочку , и чувствовала, как внутри меня что-то переворачивается. Страх и сомнения отступили, уступая место чему-то твердому и ясному.

Она была права. Я потратила слишком много лет, гадая, что он обо мне подумает. Живя в тени . Теперь моя жизнь принадлежала только мне и Соне. И если «Вертикаль» видит во мне профессионала, то это я это с радостью приму.

— Спасибо, дочка, — я обняла ее крепко. — Без тебя я бы, наверное, струсила.

— Да ладно тебе, — она отмахнулась, но было видно, что ей очень приятно. — Главное , проси хорошую зарплату. Мне новые кроссовки скоро понадобятся.

Я засмеялась. И в этом смехе, в этой обыденной просьбе, была вся наша новая, настоящая жизнь.

На следующее утро в одиннадцать часов я ехала к современному стеклянному зданию «Вертикаль-Консалт». Я была в том самом синем костюме, в котором увольнялась из компании мужа. Но теперь на лице сияла улыбка , а не печаль.

Я шла на собеседование и на встречу со своим новым будущим.

И пусть Саша думает, что хочет. Мой путь только начинался, и все было впереди , я не хотела больше оглядываться назад, и думать о его больном самолюбии . Я глубоко вдохнула, поправила прядь волос и решительно шагнула к входной двери.

Глава 6.

Первый рабочий день в «Вертикаль-Консалт» начался для меня в шесть утра. Я проснулась за час до будильника , привычка, от которой невозможно наверное уже избавиться. Только раньше я вскакивала, чтобы успеть погладить Саше рубашку и приготовить ему завтрак. А сегодня я просто лежала и смотрела в потолок. Теперь он был не идеально белым, а нежно-фисташковым — я сама выбирала краску в магазине, и продавец удивленно спросил, не дизайнер ли я.

— Нет, — ответила я тогда. — Я просто учусь делать то, что нравится мне.

В семь я уже стояла перед открытым настежь шкафом. Вчера я потратила целый вечер, перебирая свой гардероб. Сашин синий галстук, который он забыл в спешке, полетел в мусорное ведро. Следом за ним полетела блузка цвета пыльной розы, которая так ему нравилась. Я

оставила только то, в чем чувствовала себя самой собой. И, кажется, впервые за много лет мне не хотелось сбежать от собственного отражения, когда я смотрюсь в зеркало.

— Мам, ты чего так долго возишься ? — Соня заглянула в спальню, жуя на ходу на бутерброд. Она уже была полностью одета, даже рюкзак висел на одном плече. — Опоздаешь же.

— Иду-иду.

Я выбрала узкую юбку-карандаш цвета графита и свободный шелковый топ. Сверху пиджак решила не одевать. Строго, но женственно. Саша терпеть не мог, когда я ходила на работу без пиджака — «это выглядит несерьезно»- говорил он. Но сегодня я хотела выглядеть не «серьезно», а просто уверенно.

Соня окинула меня оценивающим взглядом и одобрительно кивнула:

— Причешись только. А то выглядишь как собака пудель.

— Спасибо, доченька, — фыркнула я, но послушно взяла расческу.

Офис «Вертикаль-Консалт» встретил меня запахом свежесваренного кофе и тихим гулом кондиционеров. Здесь все дышало деньгами, но по-другому, чем у Саши. Не дорогим парфюмом и лакированной кожей, а деревом, бумагой и чем-то неуловимо современным.

— Мария Викторовна, проходите, — секретарь, миловидная девушка в очках, улыбнулась мне так, будто мы были знакомы сто лет. — Артем Сергеевич задерживается на совещании, но просил передать, чтобы вы чувствовали себя как дома.

Я села в мягкое кресло в зоне ожидания. Рядом на стеклянном столике лежали свежие журналы, стоял графин с водой. Всё дышало спокойствием и деловитостью.

И тут зазвонил мой телефон.

Я посмотрела на экран и почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Это был Саша .

Мы не разговаривали с ним почти три недели. С того дня, как я выставила его вещи за дверь, он не звонил и не писал. Я даже начала надеяться, что он принял мое решение об увольнении и оставил нас в покое. Надеюсь, что мы разойдемся тихо и мирно , как взрослые люди.

Я сбросила вызов. Через секунду он перезвонил снова.

Я взяла трубку.

— Да, Саша.

— Маша, ты сейчас где? — голос у него был напряженный, без привычной высокомерности. — Я заехал в офис, мне сказали, что ты забрала трудовую книжку и личное дело. Ты устроилась на работу?

Я прислонилась спиной к спинке кресла. Секретарша за стойкой вежливо отвела глазам отвернулась , делая вид, что очень занята бумагами.

— Тебя это больше не касается, Саша. Мы скоро разводимся, ты забыл ?.

— Это касается меня, если ты работаешь у моих конкурентов! — он почти выкрикнул это. — Мне только что позвонил Козловский из «Стройинвеста» и сказал, что видел тебя в здании «Вертикали». Ты с ума сошла? Ты специально решила мне насолить?

Я молчала. В голове билась одна мысль: «Уже доложили. Всего час как в здании, а ему уже донесли». Значит, у Саши везде есть свои люди. Или он просто продолжает следить за мной, даже когда я перестала быть его женой.

— Маша, послушай меня, — его голос стал тише, но от этого не менее настойчивым. — Ты не понимаешь, что делаешь. «Вертикаль» использует тебя, чтобы добраться до меня. Ты для них — просто разменная монета. Отомстить мне — вот их единственная цель. Не будь такой наивной. Ты им не нужна!!!

— Я никому не давала повода так обо мне думать, — ответила я ровно. — И тебе — в первую очередь. Я устроилась на работу, потому что мне нужны деньги. Потому что у меня есть

дочь, которую нужно кормить. Потому что я не собираюсь сидеть и ждать, пока ты сжалишься и начнешь платить алименты. Это моя жизнь, Саша. Ты сам отказался от права в ней участвовать.

В трубке повисла пауза. Я слышала его дыхание — тяжелое, сбивчивое. Он не привык, что я ему перечу. Не привык, что я имею свое мнение, которое не совпадает с его.

— Маш, — сказал он наконец, и в его голосе вдруг проскользнуло что-то, чего я не слышала годами. Растерянность. — Я не хочу, чтобы мы стали врагами. Давай просто поговорим. Встретимся, обсудим все спокойно. Я не думал, что ты так воспримешь мой уход.

Я чуть не рассмеялась. Вот так новость. Он не думал, что я «так восприму» известие о том, что тринадцать лет был со мной из чувства долга. Наверное, он ожидал, что я скажу: «Ой, Сашенька, ну конечно, иди к своей Кристине, я все понимаю, приходите к нам на ужин по воскресеньям».

— Прости, Саша, — сказала я, и в моем голосе не было ни злости, ни горечи. Только усталость. — Я не могу сейчас разговаривать. У меня работа.

— Но Маша..

— Мне некогда, — отрезала я и сбросила вызов.

Я сидела неподвижно, глядя на погасший экран. Руки слегка дрожали, но в груди было странное спокойствие. Я сказала это. Я наконец сказала ему «нет» и не рассыпалась на куски.

— Мария Викторовна? — секретарь подошла ко мне неслышно. — Артем Сергеевич уже освободился. Пройдемте?

Я встала, поправила юбку и спрятала телефон в сумку. Пусть лежит пока там, мне не до звонков.

Глава 7.

Собеседование длилось почти два часа. Артем Сергеевич оказался мужчиной лет пятидесяти, с сединой на висках и цепким, внимательным взглядом. Он не пытался меня разжалобить или, наоборот, проверить на прочность. Мы просто говорили о работе.

Он задавал четкие, профессиональные вопросы — о структуре тендеров, об аналитике рисков, об опыте ведения крупных проектов. Я отвечала спокойно, без лишней скромности. К концу разговора на столе лежал проект моего контракта.

— Я ознакомлюсь с ними дома, — сказала я, убирая документы в сумку.

— Конечно, — Артем Сергеевич кивнул. — Жду вас завтра в девять часов на работу. С новыми силами и с новыми идеями.

Он встал и вдруг, уже у двери, остановился:

— Мария Викторовна. Я знаю, что у вас с Александром непростая ситуация. И я понимаю, что это может создавать определенный дискомфорт. Но хочу, чтобы вы знали: я пригласил вас не потому, что вы его бывшая жена. А потому, что вы лучший специалист на этом рынке. И я привык брать к себе на работу самых лучших.

Я молча кивнула. Ком в горле мешал говорить.

Весь оставшийся день я изучала документы, смотрела текущие проекты, общалась с будущими коллегами. Оказалось, что меня здесь действительно ждали. Мой стол стоял у огромного окна с видом на город. Я смотрела на проезжающие внизу машины и думала о том, жизнь, кажется, налаживается.

Вечером мы с Соней ужинали на кухне. Я готовила пасту — простую, с томатным соусом и базиликом. Саша терпеть не мог пасту, он называл ее «едой для бедных». Но нам с Соней она нравилась. Мы ели, болтали о всякой ерунде, и я почти забыла об утреннем звонке.

— Мам, а у тебя на работе все нормально? — спросила Соня, накручивая спагетти на вилку.

— Да, вроде бы. Коллеги приветливые, начальник, кажется, адекватный. Посмотрим, как пойдет дальше.

— А папа тебе не звонил?

Я замерла с вилкой в руке. Слишком необычный вопрос для Сони. Она никогда не спрашивала просто так.

— Звонил, — ответила я осторожно. — Утром.

— И что он хотел?

— Узнать, где я работаю.

Соня отложила вилку и посмотрела на меня в упор. В ее глазах было то самое выражение, от которого у меня каждый раз сжималось сердце.

— Он сказал что-то обидное?

— Нет, — я покачала головой. — Просто он не ожидал, что я пойду к работать конкурентам. Думает, что я сделала это специально, чтобы отомстить ему.

— А ты?

— А я просто хочу работать, — я пожала плечами. — Я устала доказывать ему, что имею право на свою жизнь. Если он так думает — это его проблема.

Соня помолчала, ковыряя вилкой пасту. Потом подняла глаза и сказала тихо:

— Он мне сегодня звонил.

У меня внутри все похолодело. Я отложила вилку.

— И что он хотел?

— Спрашивал про тебя, — Соня говорила осторожно, будто пробовала слова на вкус. — Правда ли ты работаешь. И говорил, что волнуется за тебя. Что ты не справишься сама. Что мне лучше пока переехать к нему жить, пока вы не разберетесь между собой.

У меня перехватило дыхание. Он позвонил дочери. Он позвонил ей, чтобы через неё давить на меня. Я смотрела на Соню и видела, как ей тяжело это говорить. Она любила отца. Даже после всего, что случилось, она его любила — ту картинку, тот образ, который разрушился в один вечер. И сейчас ей приходилось выбирать между нами.

— И что ты ему ответила? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Соня поджала губы. В ее глазах блеснули слезы, но она сдержалась.

— Сказала, что я никуда не поеду. Что у меня все нормально. Что я тебя не брошу.

Я встала из-за стола, обошла его и присела рядом с дочкой на корточки. Взяла ее руки в свои — холодные, тонкие пальцы.

— Сонечка, ты не должна выбирать между нами. Если ты хочешь жить с отцом.

— Я не хочу, — перебила она меня. — Не хочу видеть его с этой Кристиной. Не хочу видеть, какая теперь у него новая жизнь. Я просто хочу, чтобы он оставил нас в покое.

— Тогда мы будем жить своей жизнью, — я обняла ее, прижала к себе. — И не будем пускать туда никого, кто делает нам больно.

Соня уткнулась лицом мне в плечо. Она не плакала — только дышала очень часто. Я гладила ее по голове и чувствовала, как внутри поднимается холодная, тяжелая волна. Не злость. Нет. Злость я уже пережила. Это была решимость.

Звонок в дверь прозвучал так неожиданно, что мы обе вздрогнули.

Я посмотрела на часы. Почти десять вечера. Кто мог прийти в такое время? Соседи? Курьер?

Я подошла к двери и посмотрела в глазок. Сердце ухнуло вниз и замерло где-то в районе желудка.

На лестничной клетке, прислонившись плечом к стене, стоял Александр. Он был без пальто, в одном пиджаке, галстук сбит набок. Вид у него был такой, будто он пробежал марафон или, наоборот, просидел несколько часов в баре, пропустив несколько стаканчиков. Я медленно выдохнула.

— Кто там? — шепотом спросила Соня, подходя ближе.

Я не ответила. Просто открыла дверь.

Саша поднял на меня глаза. В них не было обычной самоуверенности. Он выглядел усталым, растерянным и был совершенно трезвым.

— Маша, — сказал он. — Нам нужно с тобой поговорить.

Я смотрела на него через порог. Тринадцать лет он был здесь хозяином. Тринадцать лет я открывала эту дверь, встречая его после работы. А теперь он стоял там, и между нами была не только дверь, но и стена из тех слова, которые он сказал в тот вечер.

— Поздно уже, Саша, — сказала я. — Мы уже все обсудили по телефону. Иди домой.

— У меня нет дома, — выдохнул он. — У меня нет ничего, кроме офиса и счета в банке. Я мне нужно тебе кое-что сказать.

Он перевел взгляд за мою спину, туда, где стояла Соня. Дочь смотрела на него, вцепившись в мой локоть, и молчала.

— Я не уйду, пока вы меня не выслушаете, — голос Саши дрогнул. — Пожалуйста.

Я сжала губы. Внутри все кипело. Я хотела захлопнуть дверь, запереться на все замки и сделать вид, что его не существует. Но что-то меня остановило. Может быть, то самое «пожалуйста», которое он не говорил мне ни разу за тринадцать лет.

Я открыла дверь шире.

— У тебя пять минут, Саша. Потом ты уходишь.

Он переступил порог, и я вдруг остро осознала: наша жизнь никогда уже не будет прежней. Но, может быть, это и к лучшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.